

Ксюша Иванова

Ни единого шанса

<https://litres.ru/74212498>

Аннотация

Он – «золотой мальчик», студент престижного университета, красавчик и спортсмен. Она – дочь алкоголички, игрой на гитаре зарабатывающая на жизнь себе и сестре-инвалиду. У них нет ни единого шанса встретиться. Их дороги не пересекаются. Но любовь не выбирает дорог. А встреча порой случается в самом неожиданном месте! - Не, ну, я прямо заинтригован! Что тебе жалко, что ли? Скажи имя! Иначе... Иначе я за себя не отвечаю! - И что ты сделаешь! Спросила его одними губами, забыв, что мы не знакомы, и знать о моей болезни он никак не может. И он обмер второй раз! Э-эх, сейчас спросит, не немая ли я... - Ты... Ты немая, что ли? - ошарашенно прошептал мажорчик.

Содержание

1 глава. София	4
2 глава. Ванечка	8
3 глава. София	13
4 глава. София	19
5 глава. София	24
6 глава. Ванечка	28
7 глава. София	32
8 глава. Ванечка	37
9 глава. Ванечка	42
10 глава. София	46
11 глава. София	50
12 глава. Ванечка	54
13 глава. Ванечка	58
14 глава. София	62
15 глава. Ванечка	66
16 глава. София	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

1 глава. София

Бух! Бух! Бух! Удары тяжелого кулака очередного ухаже-ра матери, казалось, заставили затрястись стены. А голос через тонкую стену нашей старенькой панельки прозвучал, как будто Мишка по кличке Фингал орал прямо над моим ухом.

- Сонька! А ну прекрати наяривать! Иначе щас балалайку твою грохну!

Я крепко зажмурилась, проговорила мысленно все "прекрасные" слова, которые ассоциировались у меня с Мишкой и отложила гитару.

Они снова пьют на кухне. Дымят во все щели. А я им снова мешаю. Как и каждый день. Причем матери, наверное, мешаю даже больше, чем тошнотному Фингалу! Потому что меня нужно кормить, а ещё я вечно "учу её жизни", " ною" и просто есть... На меня нужно обращать хоть какое-то внимание, а оно уже давно у матери в дефиците. Его на друзей и водку едва-едва хватает, да на Мишку совсем немного остаётся, а я так - досадное недоразумение, вечно голодное, вечно замерзшее, вечно мешающее.

За стенкой мать уговаривала хахалю не обращать на меня внимание, а он продолжал возмущаться тем, что после тяжелого трудового дня в "офисе", ему нельзя расслабиться дома. "Офис"! Ой, не могу! Старая грязная до безобразия сапожная мастерская этот твой офис! Размечтался! Клерк, блин,

синеносый!

Но гитару пришлось спрятать под одеяло - уже однажды Мишка гриф ломал! Грохнул об табуретку, скотина! Пришлось бабушкино колечко, единственную мою драгоценность, продать, чтобы починить. И чего ему музыка моя не нравится? Обычно же пьяные любят песни петь! А без гитары мне не жить! Не выжить! Без гитары в "Анастасию" мне путь заказан...

По выходным я играла на гитаре в небольшом ресторанчике у причала. Не одна. В компании барабанщика Славы, Димки, рубившего на синтезаторе и Женечки, нашей вокалистки. Зарабатываемые в ресторане деньги не были пределом моих мечтаний, но давали мне возможность выжить. Их хватало на еду, проезд до техникума и какие-никакие шмотки, пусть и самые дешевые с открытого рынка. Ну, еще для Лилечки немного оставалось... Так, на шоколадки, да кое-какие игрушки...

Открыла учебник по истории - завтра будет тест, срез знаний перед будущей сессией. А мне стипендия позарез нужна. Слава Богу, хоть не устный опрос - хрен кому объяснишь, что я опять молчу! Преподы почему-то справке от врача верить не желали, все, как один, думали, что симуляю, что голос "теряю" только чтобы им не отвечать! Хотя, если так подумать, я же нормально учусь! Зачем мне притворяться? Два курса с повышенной стипендией! Вот только в прошлом семестре четверку по психологии и педагогике схлопотала! Да

и то только потому, что попался на экзамене самый гадкий вопрос, один из трех, которые я знала плохо!

Историю я любила. События и даты легко откладывались в голове, занимали свои места на полочках, а потом, когда было нужно, так же легко извлекались мною из анналов памяти. Но кое-что повторить все-таки было нужно.

Под пьяные бормотания за стеной до одиннадцати я учила, про себя проговаривая только что прочитанное. Потом вымылась в тазике, набрав едва теплой воды и поминутно оглядываясь на не запирающуюся дверь - шпингалет был месяца два кем-то из собутыльников матери и Мишки оторван и, естественно, так и болтался на одном гвозде. Волосы пришлось намыливать хозяйственным мылом - мой шампунь кто-то выжал до доньшка. Нужно будет в следующий раз прятать у себя в комнате. Хотя, какой смысл? Все равно найдут, если захотят! Как находили раньше деньги, пока я не додумалась оставлять их у бабушки.

Хотелось есть. Но на кухню, пока эти не улягутся, лучше не соваться - Мишка начнет злиться, мать прицепится к чему-нибудь, как всегда я останусь виновата... Поэтому пришлось достать из пакета с любимым Лилькиным печеньем парочку и заточить уже в кровати под песню моего любимого "Кино" - завтра с ребятами решили пару треков забабахать! Не все же попсу играть! Можно ведь и разнообразить! Память старенького телефона, давным-давно купленного мне бабушкой, с трудом вмещала всего пару мелодий...

Теплое место, но улицы ждут отпечатков наших ног.

Звездная пыль - на сапогах.

Мягкое кресло, клетчатый плед, не нажатый вовремя ку-рок.

Солнечный день - в ослепительных снах (1).

(1) - Виктор Цой

2 глава. Ванечка

- Нет, ты, наверное, издеваешься? Ну, откуда у тебя ребенок? Ты и сам еще ребенок! Третий курс всего лишь! - Лиза ныла в трубку плаксивым голосом, ошарашенная новостью о том, что я сегодня буду выгуливать нашего Пупса.

А я всего-то предложил своей девушке приехать ко мне и погулять с коляской в парке пару часиков вместе! Интересна была ее реакция! В принципе, я догадывался, какой она будет, но получил даже больше того, на что рассчитывал!

- А мать ее кто? Ты не говорил, что у тебя есть ребенок! Скотина ты, Князев!

- Да ладно, Лизка, чего ты паришься! Я ее всего-то пару раз в месяц вижу! Подумаешь, половину стипендии им с мамашкой перечисляю! - троллил дальше, поражаясь ее тупости! Ведь знает же о моих сестре и племяннице, могла бы и догадаться, что к чему! - А так-то их ее родаки содержат, ну, мои еще немного подкидывают! Приезжай, посмотришь, как мой Пупс на папочку похож!

Марусенция на папочку была, действительно, похожа. На своего папочку, конечно. А на меня разве что цветом глаз, но и у Вероники глаза тоже карие, поэтому тут все спорно. И я, конечно, врал, что два раза в месяц с ней сидел - Богдановы меня вообще-то впервые попросили! И то только потому, что наши с Вероникой мать с отцом уехали к бабке в

деревню на выходные, а сами Вероника с Захаром отправились покупать какие-то тряпки для похода на юбилей к кому-то там вместе с Радуловыми. Почему они не отдали Пупса Радуловской няньке до кучи с их детьми, как поступали обычно, я не вникал. Попросили два часа покатать коляску в парке неподалеку от торгового центра, я согласился - даже любопытно было одному с лялькой покантоваться. Заодно решил Лизку проверить - умеет ли она с детенышем обращаться. Проверил.

Марусенция закричала в коляске. Та-ак! Вероника говорила, что будет спать все два часа, а мне только катать нужно и избегать людных мест, чтобы никто не разбудил! Че теперь делать? Сестре позвонить? Что там насчет соски было? Где она, соска эта, вообще, есть? В сумке, что ли? И чего я не слушал Веронику? Порылся в сумке, нащупал соску, облизал, как всегда делала мать, поражаясь антисанитарии, и сунул в кривящийся, но пока не орущий ротик. Фух! Вроде бы замолчала!

Толкая коляску, прогулялся по петляющей дорожке, слушая музыку в наушниках, полюбовался своим новым прикидом, остановившись у стеклянной коробки здания ЗАГСА, притулившегося в самой глубине парка. Оставалось помучиться полчаса. Но Марусенция почему-то вдруг решила, что спать ей достаточно! И так как говорить она еще в свои девять месяцев не умела, объявила о своем окончательном пробуждении громким ором!

Этот ор навел шухер во всем парке. Собака, которую вела на поводке старушенция в красном берете, рванула в сторону от ужаса - бабуля упала на скамейку, поводок выскользнул из рук, псина понеслась, поджав хвост, куда-то в дебри. Парень, обнимавший подругу в трех метрах от нас, вздрогнул и наступил ей на ногу, та от боли завопила едва ли не громче Марусенции. Я, вытащив наушники из ушей, растерянно смотрел на ребенка, не зная, что с ним делать. А девчонка, сидевшая на скамейке метрах в пяти от нас, беззвучно хохотала, вытирая слезы! Армагеддец какой-то!

- Что делать? Что делать? Вытащить тебя, что ли?

Машка лупила руками, засунутыми в серый осенний комбинезон по коляске и орала на одной очень высокой ноте. Достать ее сразу не получилось. Застряла, что ли? Я подергал ее, подхватив подмышки, но было такое чувство, что там, внутри коляски, ноги ребенка плотно обмотаны толстой веревкой, которая удерживает на всякий случай (чтобы враги не сперли!). Соску изо рта она выталкивала языком, как я ни старался пихать поглубже! Бутылку с водой выплюнула, облившись жидкостью с ног до головы!

- Да, е-мое! Маруська! Ну, чего ты орешь? Давай это... прекращай!

На нас уже смотрели все, кто был в парке. Бабки, наматывающие сто второй круг мимо, удрученно качали головами - типа, эх, ты, папаша! Даже ребенка не можешь успокоить! Девка, которой парень отдал ногу, с отвращением криви-

лась - вроде как показывала своему бойфренду, как сильно она "любит" маленьких детей. А я не придумал ничего, как только поднять руки к небу и сказать:

- И за что мне это все!!! Ну, давай, помоги уже! Хватит издеваться!

Я и сам вначале не понял, к кому именно обращался. Может быть, к Богу, хоть и не был никогда особо верующим. И помощь неожиданно пришла!

Та самая девчонка, которая смеялась надо мной, сидя на скамейке, молча отодвинула меня в сторону и, аккуратно отстегнув верхнюю часть коляски, так же молча взяла Маруську на руки. И! Аллилуйя! Красная от усилий Машка моментально замолчала! Только испуганно всхлипывала и вглядывалась своими глазенками-бусинками в лицо нашей спасительницы! И я вгляделся тоже.

Она была чудо как хороша! Ну, в смысле, красивое у нее было личико. Нежная кожа, усыпанная на носу и щеках мелкими веснушками, огромные зеленые глазищи, аккуратный носик, тонкие, свои, не нарисованные брови и губки... О-о! Губки вообще были что надо - розовенькие, пухленькие, так мило растягивающиеся в улыбке! И я не удержался - улыбнулся ей в ответ, не сразу поняв, что она-то как раз на меня и не смотрит совсем!

Девушка, удерживая Маруську одной рукой, осторожно вытирала ее личико платочком. А когда бессовестная моя племянница начала снова кривить свои губищи, вдруг при-

жалась губами к ее шапке в районе уха и что-то прошептала. Маруська, как и я, настороженно прислушалась. Но я не услышал ничего совершенно, а Маруська, видимо, услышала все, что было нужно. Потому что гнев неожиданно сменился на милость, а маленькие губки сложились в улыбку!

И я, наконец, отмер!

- О, прекрасная спасительница! Не знаю, как тебя благодарить! Ты так мне помогла!!! Мне бы еще минут двадцать перекантоваться с этим маленьким монстром, и можно было бы идти сдаваться!

Отчего-то захотелось вдруг сказать девушке, что это - не мой ребенок, что это - всего лишь племянница, а я - добрый и заботливый дядюшка, всегда готовый, но не очень-то умеющий, посидеть с нею! И я уже собрался было начать клеить эту милаху, но потом внимательнее присмотрелся к ее наряду. И обалдел...

3 глава. София

Какой же красавчик этот молодой папашка! Просто мечта! В такого можно влюбиться, просто увидев на фотографиях, не то что вживую! И одет очень красиво, модно, стильно и явно безумно дорого. Такую куртку когда-то, гуляя по торговому центру, я видела в витрине жутко дорогого бутика. И стояла она что-то там больше ста тысяч... И прическа у него модельная, и челка словно гелем каким-то уложенная - волосы на ветру осеннем не растрепываются, как у меня, а лежат - волосок к волоску!

И он так весело, с такой благодарностью смотрит сейчас в мою сторону, с таким неподдельным невозможным интересом, как никогда на меня, Софию Ростову, не смотрел ни один богатенький красавчик! Потому что богатенькие красавчики обычно страшненьких, бедненьких оборванок, вроде Ростовской, не замечают в упор...

- О, прекрасная спасительница! Не знаю, как тебя благодарить! Ты так мне помогла!!! Мне бы еще минут двадцать перекантоваться с этим маленьким монстром, и можно было бы идти сдаваться!

Куда сдаваться? В каком это смысле? Матери, что ли, пора ребенка отдавать? А сам? А, впрочем, они, мужики, обычно вопросами воспитания детей не сильно напрягаются. Это мне известно. Ладно, раз уж впряглась, нужно понянчить ре-

бенка эти двадцать минут, иначе ведь замучается кричать бедняга!

Я развернулась и пошла по дорожке, шепча девочке на ушко стишок, который учила недавно с Лилькой. Она смотрела по сторонам и слушала, успевая одновременно с этими двумя важными делами еще и весело улыбаться мне. Ах, какая же миленькая! Какая же пухленькая! Может быть, у меня тоже когда-нибудь будет такая девочка! И такой муж...

Обернувшись, чтобы посмотреть на парня, я поймала его взгляд. И вот теперь уже прочла в нем все то, что обычно видела во взглядах других молодых людей, на меня бросаемых - удивление, жалость, безгливость, разочарование... Потому что когда они смотрели в мое лицо, приятное, симпатичное даже, они (такое тоже иногда случалось), проникались симпатией ко мне, а потом, когда они обращали внимание на одежду, на мой внешний вид, непрезентабельный, затертый, поношенный, отношение сразу менялось.

Да, красавчик, тут тебе не девочка-картинка, тут Сонька-дочка-мамки-алкашки в джинсах с дырками. Правда, мои дырки только притворяются задуманными дизайнером, а на деле прорвались на коленках от возраста штанов и постоянной их носки! Ты не думай, я стираю свои вещи! Просто ношу их очень давно, поэтому у моей куртки рукава не отстирываются до конца! Впрочем, думай ты все, что хочешь! Мне это совершенно безразлично! Я вот сейчас суну тебе в руки ребенка и делай с ним все, что сможешь! А я пойду домой!

И я уже развернулась, чтобы так и поступить. Но парень вдруг решил взять себя в руки и не пялиться на меня больше. Наоборот, он вместе с коляской догнал меня и пошел рядом, иногда поглядывая в сторону ребенка. Правильно, нечего пялиться на чужих людей, смотри лучше на своего ребенка!

- Слушай, спасительница, а давай познакомимся? - зачем-то сказал он.

И я честно пыталась удержать свои брови на месте и не дать им поползти вверх на лоб. Но они все равно это сделали, скорее всего придавая мне вид лихой и придурковатый...

Я отрицательно покачала головой. Ну, во-первых, это совершенно ни к чему - слабо верилось, что он это из искреннего интереса к моей скромной персоне сказал, скорее, просто из благодарности. А во-вторых, уже неделю как я снова не разговаривала. Моя фонастения вернулась, напрочь лишив голоса и возможности подпевать нашей вокалистке Женечке! Я могла только шептать. И когда вернется голос, было неизвестно...

- Да ладно! Почему? Ты не думай! Марусенция - не моя дочка! Честное слово!

Я с удивлением уставилась на него.

- Честное-пречестное! - у него было очень привлекательное лицо - шоколадные глаза, обрамленные длинными ресницами, густые темные брови, здоровая кожа, без единого прыщика, золотистая щетина на подбородке - бреется зна-

чи... Сколько же ему лет? - Это дочка моей сестры. Вероника сейчас должна забрать ее. Если не веришь, сможешь сама в этом убедиться! Только побудь с нами еще немного! Пожа-алуйста!

Я пожала плечами, давая понять, что мне, собственно, все это безразлично. И ускорила шаг. Но мажорчик не отставал.

- Не, ну, я прямо заинтригован! Что тебе жалко, что ли? Скажи имя! Иначе... Иначе я за себя не отвечаю!

И что ты сделаешь! Спросила его одними губами, забыв, что мы не знакомы, и зная о моей болезни он никак не может. И он обмер второй раз! Э-эх, сейчас спросит, не немая ли я...

- Ты... Ты немая, что ли? - ошарашенно прошептал парень.

Я поджала губы, давая понять, как сильно меня саму расстраивает этот факт. А потом подумала и решила признаться. Пальцем поманила его к себе, и он шагнул, настороженно заглядывая в мои глаза, как будто я хочу его съесть или укусить хотя бы, или, что вероятнее, опасаясь испачкаться, но все-таки приблизился. Потянувшись к его уху, для чего пришлось вместе с ребенком встать на носочки, я прошептала:

- Я временно немая. Съела тонну мороженого.

- Че, правда? - карие глаза так удивительно заискрились от смеха, что и мне вдруг стало смешно. - Куда ж в тебя столько вместилось - худая, как спичка.

Я снова пожала плечами, не рискуя схохмить еще что-нибудь - для этого ведь нужно будет снова приблизиться к нему,

а мне это было нельзя делать! Совсем никак нельзя! Потому что мажорчик так классно пах, что от этого аромата у меня непроизвольно закрывались от удовольствия глаза и слабели ноги, угрожая не сдержаться и уронить меня саму и ребенка на землю!

- Спорим, я знаю, что может тебе помочь и вылечить твою болезнь? - продолжал он, с интересом заглядывая в мои глаза сбоку.

Я бросила на него вопросительный взгляд - валяй, озвучь! Я знала, что может помочь - дорогостоящее лечение, отсутствие стрессов и нагрузки на голос. Из всего вышеперечисленного мне было доступно только последнее - именно этим лекарством я и лечилась.

- Тебе поможет чашечка горячего кофе с горячими же круассанами в одном уютном кафе, которое находится тут неподалеку от парка! В благодарность за помощь я хочу тебя угостить!

Я пораженно покачала головой - и как ты, красавчик, себе представляешь наше совместное появление в кафешке? Я, как бомжиха, буду смотреться на твоем фоне! Впрочем, я так же буду смотреться даже совсем без фона... Нет! Покачала головой. Схватила со скамейки желтый листик и показала девочке, искренне радуясь ее восторгу - ребенок загулил, задергал ручками, запакованными в рукава комбинезона, желая схватить, потрогать, а, может быть, даже погрызть! Какая же прелесть эта девочка!

- Ну, не хочешь в кафе, у меня есть другое предложение! - не сдавался упрямый мажорчик, что-то рассматривая у себя в тонюсеньком и тоже безумно недешевом смартфоне. - Я думаю...

- Ванечка, какой же ты хитрец у нас! Заставил девушку с Маруськой сидеть, а сам, как обычно, в соцсетях зависаешь! - вдруг раздалось за моей спиной.

Я резко развернулась, инстинктивно крепче прижимая к себе девочку, чтобы не выронить от быстрого движения. И открыла рот от удивления - вот это пара! Длинноволосая высокая девушка с идеально красивым лицом в потрясающем плащике с вышивкой по подолу и в ботиночках на высоких каблуках и парень в коротеньком пальто и строгих брюках, с татуировками, виднеющимися на шее и тыльных сторонах ладоней, смотрелись так, что глаз не отвести, просто хоть часами разглядывай и завидуй! Они держались за руки, но по тому, как девушка дернулась ко мне, по тому как она взглядом буквально просканировала ребенка, мне сразу ясно стало - это родители девочки! А Ванечка, как она его назвала, не соврал совершенно, и он просто был ее временной нянькой!

И я зачем-то повторила, одними губами имя, так удивительно идущее ему:

- Ванечка...

- Ну, вот и познакомились, - недовольно буркнул он, заставляя меня улыбнуться.

4 глава. София

Открыв своим ключом старую обшарпанную дверь бабушкиной квартиры, я вошла в полутемную комнату - бабушка экономила свет и никогда не оставляла его включенным сразу в нескольких комнатах.

- Сонечка пришла! - бабушка заспешила из единственной комнаты, которую делила с моей младшей сестренкой. - Мы тебя так ждали! Так ждали! Лилечка все уши мне прожужжала: "Когда Софа придет? Когда Софа придет?" Гулять хочет ребенок! Вот бы был у нас в доме лифт, я бы с утра ее вывозила - в магазин бы могли пойти, в парке покататься! Что ж за власти у нас в городе - все обещают, обещают среду... как ее там...

- Доступную, ба! - шепотом подсказала я.

- Да-да, доступную! - и как она, по ее же собственному мнению, плохо слышащая, сумела понять мой шепот! Бабушка завела свою любимую песню про недобросовестных политиков, про отсутствие условий, про несправедливость... - Да только толку нету! И никому дела до нас, инвалидов нету!

Бабушка, мать нашего с Лилькой пять лет назад умершего отца, никогда не жаловалась именно на свою жизнь. Зато всегда ругала тех, кто должен был бы, по логике вещей, как-то эту жизнь облегчить! Видимо, так она успокаивалась, что

ли... Так она изливала наболевшее.

Бабушке приходилось нелегко. Потому что у моей сестры был ДЦП. В свои почти шесть лет Лилька умела читать, считать до ста и решать простейшие задачки в пределах десяти, здорово запоминала стихи... но она не умела ходить. И сейчас, услышав наши с бабушкой "разговоры", сестренка на всех парах, задевая колесами неудобной коляски мебель, неслась в узенький коридорчик ко мне.

Ей хотелось гулять на улице. Ей хотелось к детям - общения катастрофически не хватало! Ей даже иногда хотелось к маме, за пьянками своими совершенно забывшей о дочери! А еще, наверное, хоть она никогда и не просила вслух, ей хотелось все те игрушки, которые показывали во время рекламы по детскому телевизионному каналу - я иногда ловила ее заинтересованные взгляды.

Да только у Лильки, по-настоящему, была только бабушка... ну, и я...

Пока я одевала сестру, бабушка складывала в целлофановый пакет картофельные оладьи - подкармливала меня, как могла. Ее пенсии по-старости и Лилькиной по инвалидности едва хватало на содержание квартиры, питание да какое-никакое лечение - мы постоянно откладывали для всяких реабилитационных процедур и курсов.

- Что там Ленка поделывает? - бабушка люто ненавидела нашу мать. Было за что. После смерти нашего отца, мать запила и Лильку, тогда совсем мелкую, забрали в дом малютки.

Меня не забрали - я была в школьном лагере. Мать должна была бы, пропившись, опомниться и побежать за ребенком. Но она наотрез отказалась - нет младенца, да еще и больного, нет и забот по его содержанию и лечению! И бабушке пришлось полгода выбегать по различным инстанциям, чтобы взять сестру под опеку - отказываться от родительских прав мать не захотела! А потом еще мать целый год пенсию Лилькину пропивала... пока мы с бабушкой не добились, чтобы деньги переводили на ее пенсионную карту. - Пьет небось?

Я промолчала - ну, что отвечать, если ответ всегда один и тот же? Пьет, конечно! Полы помоем в аптеке, получит свои двести рублей - и пьет купленные в той же самой аптеке спиртосодержащие настойки. Мать в свои сорок выглядела на все шестьдесят - вечно обрюзгшая, с синими мешками под глазами, с трясущимися руками, некрашеными, кое-как постриженными ее же подругой, такой же алкашкой, волосами. И если бы этот красавчик Ванечка из парка увидел не меня, а мою мать, его бы, наверное, перекосило еще больше! Меня от отвращения даже передернуло - ужас, если вдруг он увидит меня с нею рядом и поймет, что это - моя мать! Хотя... ну, как он меня с нею увидит? Да и с чего я решила, что он МЕНЯ саму еще когда-нибудь увидит? Всё выбросить из головы! Забыть! Но как забудешь? Такой красивый парень... И так заинтересованно смотрел на меня... Как будто бы я ему понравилась...

- Сонь, а мы куда сегодня поедем? - с надеждой загляды-

вала в глаза Лилька. Я знала, что ей хочется в 3Д на мультики - пару раз мы ходили вместе. Там в фойе была детская зона и ей, редко видевшей сверстников, удавалось порисовать за детским столиком с другими малышами, пришедшими в кинотеатр. Да только кино - это триста рублей с меня и 150, как с инвалида, с нее... Примерно столько я за вечер в кафе зарабатываю... А сегодня у меня есть только на два пирожка, которые мы можем с Лилькой съесть в том же парке, где...

А Лилька, она, прямо никогда не просила - маленькая, а все понимала! Но по ожиданию и надежде в ее глазенках, я все читала без слов...

- Ой, Сонечка, курточка-то у тебя тоненькая какая и шапки совсем на осень нету! - бабушка запричитала снова. - А там похолодало как! Послезавтра у Лилечки пенсия, я тебе денежку дам - купишь себе что-нибудь! Тебе надо, Сонечка! Ты же учишься!

Я пыталась возразить, но мой шепот бабушка, вновь притворившаяся глухой, не слышала совершенно. Мы с нею на коляску копили, хорошую, чтобы Лилька могла сама ею управлять, а не ждать, чтобы ее кто-то куда-то докатил! Но такая стоила кучу денег, а эта, жуткая, была бесплатной...

- Только купишь сразу зимнюю, потому что я твое пальтишко достала с антресолей, почистить хотела его, простирнуть, а там совсем смотреть не на что! Да и рукава короткие, наверное, будут!

Уже вывозя коляску с сестрой на лестничную площадку,

я взглядом зацепилась за бабушкины тапки. Осень. А она в тряпочных, затертых, заношенных. На правом тапке, на месте, где бабушкин большой палец упирался в ткань, была круглая маленькая дырка...

5 глава. София

Женечка сегодня была какая-то странная - молчаливая, словно ушедшая в себя. Она заторможенно перебирала листы специальной тетради с файлами вместо страниц, в которые были вставлены тексты песен. Славка, как обычно, курил на заднем дворике кафе. А Димка настраивал аппаратуру. Толкнув его в плечо, я глазами показала в сторону Женьки, спрашивая его, чего это она такая - даже не поздоровалась со мной.

- Женька, ты петь-то сегодня сможешь? - громко озвучил мой вопрос Димка.

Она медленно, как в фильме ужасов, подняла на него взгляд, странный, расфокусированный, и мне в неярком свете настенных бра кафе вдруг показалось, что зрачки у нее стали огромными, буквально на весь глаз, как если бы Женька что-то страшное сейчас увидела за нашими с Димкой спинами и от ужаса вот так сделала глазами! И я даже невольно покосилась туда, за кулисы, где был выход в коридор и дальше на кухню и на улицу, соответственно.

- Слышь, ты че, Женек, за старое принялась? - вдруг всполошился Димка.

Я была в их коллективе полгода. Предыдущий гитарист ушел в армию, место освободилось и Димка, когда-то живший в соседнем доме, и лично учивший меня играть на гита-

ре, предложил это место мне. С Димкой мы дружили в детстве и сейчас общались - после выступления, здесь же, в кафе, пили вместе кофе, благо его нам хозяйка разрешала употреблять бесплатно и в любых количествах.

Слава с Женей встречались. Его я не любила - Слава был вспыльчивый и самоуверенный, он постоянно за что-то ругал Женьку, постоянно был в плохом настроении и частенько ни с кем не общался. А еще ему вечно казалось, что именно ему не доплачивают, что они с Женей выполняют главные в нашей работе роли и поэтому просто обязаны получать больше, и тот факт, что хозяйка решила нашу зарплату делить на четыре равные части и лично вручать каждому каждый вечер после выступления, и от нас совсем никак не зависела величина суммы, его не напрягало - он считал, что это мы - бездельники, а они с Женькой, вполне бы справились и вдвоем...

- За какое-такое старое? - еле слышно произнесла Женька и совсем не к месту блаженно улыбнулась.

- Ты смотри! Если Тамара узнает, попрет тебя из группы! Я вопросительно посмотрела на Димку, но он отмахнулся - явно не успевал с настройкой, а посетители уже начали подходить и рассаживаться в зале.

- А ты, умник, помалкивай, и никто ничего не узнает! - из-за кулис появился Славка. - И вообще, не фиг лезть не в свое дело! Понял?

Я пожала плечами - что у них там за проблемы такие? А

хотя, мне своих, что ли, мало? Что мне до их забот? Пусть сами разбираются! Тем более, что ни с Женей, ни, тем более, со Славой, я так и не смогла подружиться. И, если со Славой понятно почему, то Женю я совершенно не понимала - она была какой-то зашуганной, постоянно отслеживала взглядом местонахождения своего парня, дергалась, когда он подходил и, например, обнимал ее за плечи. На вопросы о том, не обижает ли он ее, задаваемые, конечно, Димкой (я на такое не решалась), она испуганно торопилась убедить нас в обратном. И мне казалось, что он все-таки обижает ее, но она, по какой-то неведомой нам причине, все равно с ним расстаться не может. Но это, опять же, было совершенно не моим делом...

Димка ткнул пальцем в мои ноты, определяя, какую композицию мы будем играть первой. Славка отсчитал до пяти, тихонько стуча палочками друг об друга, и мы заиграли.

Всем музыка давалась легко - и Слава, и Димка, и Женечка, закончили музыкальную школу. Женька даже в музучилище училась на хоровом пении. Я же одна была самоучкой и нотную грамоту освоила едва-едва. Поэтому и тренировалась в парке - дома-то Мишка гонял, а у бабушки соседи снизу были скандальные, вечно жаловались на громкие звуки участковому. И именно во время тренировки два дня назад я встретила Ванечку...

Мысли об этом парне снова вернулись в мою голову. И, как я ни гнала их прочь, настырно лезли обратно! А мне ни-

как нельзя было отвлекаться! Мне нужно было стараться изо всех сил - потому что единственной альтернативой игре на гитаре здесь, в кафе, было мытье полов где-нибудь... в аптеке! А я не хотела... так как мать. И не потому что я боялась грязной работы - иногда я подрабатывала сиделкой у стариков - обычно на каникулах, а летом высаживала и полола цветы на городских клумбах. Только полы мыть не хотела, потому что презирала свою мать и все, что с нею связано.

А еще потому нельзя было думать о нем, что это нереально, невозможно - наши миры не пересекаются! Наши миры параллельны...

6 глава. Ванечка

...Институт стоял на ушах. Только припарковавшись, еще не выходя из машины, я уже был в курсе, что о нашей последней "вылазке" знают все. Народ кучковался возле входа, жестикулируя, смеясь, и показывая друг другу наш ролик в телефонах, планшетах, а на скамейке в зоне отдыха, справа от парковки, Герка Иванов с четвертого курса транслировал его в массы на своем дорожном ноутбуке.

Да, идея проникнуть в кабинет декана, наглухо запечатанный, запертый на три замка и имеющий две камеры внутри, была просто бомбезной! А, главное, она прошла на ура! Мы нигде не прокололись. Наши лица не засветились, так же, впрочем, как и отпечатки пальцев.

В чате тоже творилось что-то невообразимое - те, кто поставил на нас и выиграл прикалывались над немногочисленными проигравшими и пытались предположить, какую игру мы придумаем дальше.

- Ванечка! Я так соскучилась!

На шее повисла Лизка. Попытался отлепить её от себя - соскучилась она!

- А чего ж не приехала в парк? Не пришлось бы скучать!

- Ой, прости меня, дурочку! Я ж не знала, что этот ребенок - твоя племянница! А ты зачем так говорил, как будто это твой?

Выяснила? Ну, это, понятно, было несложно! Кто-то из моих друзей сдал? Или просто со своими родителями переговорила - они немного с моими общаются. Короткий взгляд на Сашку, поднявшегося на крыльцо и подкуривающего сигарету и его такой же короткий ответный сразу же прояснили мне этот вопрос. Во взгляде друга явно читалась вина!

- Сашка рассказал? - рявкнул на Лизку, отодвигая её от себя.

- Да какая разница!

- Да разницы-то, в принципе, никакой, просто не быть тебе декабристкой...

- Ну, зачем мне декабристкой становиться, Ванечка? - не смущаясь огибающих нас преподавателей, спешащих на пары и осуждающе поглядывающих на нас, она настырно лезла своими ладонями мне под одежду, раздвинув в стороны полы куртки. - Я и без этого самая красивая!

Спорить было бессмысленно. И не потому, что Лизка была самоуверенной или глупой, а потому скорее, что, на самом деле, отличалась красотой и знала ей цену. Я поймал Сашкин взгляд, брошенный на мою девушку. Нравится тебе, да? Нравится, знаю. И впервые отчего-то не ощутил ревности, когда она кокетливо похлопала в его сторону длинными, густо накрашенными ресницами.

...- Чем вечером займемся? - наворачивая пирожок из школьного буфета, спросил Костян по кличке Стрелок, когда после третьей пары наша компания собралась в фойе у

выхода, заняв облюбованный еще на первом курсе диван в зоне отдыха. - Может, ко мне? Родаки на дачу к бабке собрались с ночевкой. Так что - полигон для развлечений свободен! Каточку в "Доту" зарубим...

- Шары погонять собирались, - напомнил Сашка. Эта фраза именно для него звучала странно! Обычно Сашка "Доту" предпочитал всем другим нашим совместным развлечениям, был суперкрут в ней, снимал стрим, а за любовь к определенному персонажу, даже был прозван Энигмой.

- Так я в клуб не ходок в ближайшую неделю, - уныло протянул Костян. В прошлый наш поход он нажрался и разбил три бутылки дорогущего коньяка. И проблема, конечно, была совершенно не в цене напитка - мать Стрельцова работала судьей и в их семье деньги водились немалые, а в том, что хозяин заведения, как раз-таки, его матери и пожаловался, справедливо решив не привлекать стражей порядка к происшествию. Мать закрутила Костяну гайки, запретив вообще куда-либо ходить. И если мой друг не очень-то опасался нарушать запрет, посещая другие клубы, то именно в "Матрицу" путь ему был заказан.

- Ты туда не ходок до материной пенсии, - заржал Воронов, похлопав Стрельцова по плечу.

- А давайте куда-нибудь в другое место сходим? А что, погуглим сейчас, где в нашем городе еще есть хороший бильярд? - Сашка быстро набрал в поисковике телефона геолокацию ближайшего подобного нашему клубу заведения.

- А чего это наш Князь сегодня молчит? - переключились на меня парни.

- Ага, молчит, взглядом задумчивым пространство созерцает...

- Влюбился, - протянул насмешливо Энигма, а потом добавил. - И, по ходу не в Лизку...

И обычно я отшутился бы. А сегодня мне вдруг стало скучно. И вроде бы все было, как обычно, как всегда, но странное чувство, зудящее где-то на краешке сознания, портило настроение ощущением нехватки чего-то несущественного, мелкого, не важного, но неожиданно нужного... С раздражением выдохнул, лишь бы отстали от меня:

- Хватит трепаться. Поехали лучше в клуб!

7 глава. София

Женька в очередной раз забыла слова. Димка подхватил, мельком взглянув на меня. Я отрицательно покачала головой - нет, не вернулся голос еще. Так-то я подпевала иногда, даже пару раз сольно выступала. Но не сегодня, это точно.

В "Анастасии" обычно гуляла определенная публика со специфическими вкусами. И, спев пару песен "Кино", мы снова вернулись к своему традиционному репертуару.

Пятничный вечер включает эффект дежавю.

Ветер качает луну над уставшими крышами.

Кажется мне, что сегодня ты скажешь «люблю»,

Ведь остальное все я тыщу раз уже все это слышала...

Женька опомнилась только к припеву, когда разозленный Димка, во время проигрыша пробрался к ней и ткнул пальцем в текст, закрепленный на пюпитре.

Я покосилась на Славку, но он так увлеченно рубил на барабанах, что, казалось, ничего вокруг не замечал совершенно. Что происходит с ними вообще?

Со сцены было плохо видно зал - нас освещали специальные лампы, а основное пространство находилось в тени. Дело в том, что заведение, где я подрабатывала, было, по сути, клубом, хотя в одном из залов и работал полноценный ресторан. Здесь же, где находилась сцена для живой музыки, можно было разве что напитки заказать в баре, да простейшую

закуску к крепкому спиртному. Сюда приходили выпить и потанцевать. А в третьем зале, который располагался на втором этаже, была бильярдная. Но туда я, обычно, не ходила - там тусовалась молодежь, частенько возникали драки и всегда было ужасно накурено, что плохо влияло на мои, и без того больные, связки.

Во время короткого десятиминутного перерыва я рванула в туалет, шепотом предупредив Димку - Тамара очень не любила, когда мы прерывались надолго. Но по пути задержалась возле барменской стойки. Сегодня работала Марина, с которой мы немного общались. Она была в отличие от второго бармена Аришы, взрослой женщиной, с семьей и детьми. Семье нужны были деньги, Марина находилась в декрете на основной работе, поэтому подрабатывать могла только по ночам, когда "дежурство по дому принимал" муж.

- Эй, воробей, - подозвала к себе Марина. - Зайди на минутку ко мне.

Кивнула ей и, немного посомневавшись, потому что времени у меня не было, я все-таки втиснулась в узкое пространство между стойкой и стеной, заглянула Марине в глаза, как бы спрашивая - что ты хотела?

- Ты только не обижайся! Ладно? - она полезла куда-то под стойку и выудила оттуда черный пакет. - Это моей старшей вещи. Ей четырнадцать, но она у меня девка крупная, быстро из всего вырастает. Тут джинсики, пара кофточек, колготки. Возьми!

Было стыдно. До слез. Но она ведь от чистого сердца! Да и смысл скрывать очевидное и говорить, что мне не нужно, по мне ведь невооруженным взглядом видно, что нужно...

Стиснула зубы, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Сжала ее руку на секунду, безмолвно благодаря - сейчас даже если бы я и говорила, не смогла бы выдать ни слова! Но Марина знала и понимала, почему не могу сказать элементарное спасибо.

- Беги, а то Томочка сегодня не в духе, увидит еще, что мы болтаем тут! - Марине, наверное, тоже было неловко, потому что, аккуратно развернув меня с зажатым в руках пакетом, за плечи, она подтолкнула к выходу и добавила на ухо. - Там платьице есть модное, на день рождения своей Надьке дарила в прошлом году. Так моя раза три всего носила его! Надень его прямо сейчас в туалете - будешь самой красивой тут!

И я не удержалась. Потому что платьев у меня не было. Нет, они были, конечно. Но очень давно, еще в детстве, когда отец еще был жив. Тогда мама наряжала меня, как куколку. И сама была молодой и красивой. Но это было так давно, что я даже сомневалась в том, что не привиделось, не приснилось мне. Закрывшись в кабинке, в каком-то волнении, словно мне сделали дорогой и долгожданный подарок, я вытащила из пакета джинсы, два свитера, две пары теплых колготок, вязаную шапочку с ушками и платье. Оно было очень скромное - черное, с рукавами до локтей и полностью закры-

тым верхом. А вот от талии расклешалось, превращаясь в "солнышко". Трясущимися руками, забыв о том, что нужно спешить, я развернула его и, встряхнув, держала на вытянутых руках перед своими глазами.

Я не собиралась надевать его! Это было затмение какое-то! Как будто что-то или кто-то толкнул в спину, заставил! И, поддавшись, я стащила застиранные старые джинсы, натянула плотные, совершенно не подходящие к такому платью, колготки, сунула ноги в свои стоптанные ботинки, и только потом, глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, нырнула в платье! Запихнув свои вещи в пакет, бегом понеслась к своим - десять минут явно закончились уже давно!

Резинка с волос, видимо, соскользнула, когда одевалась, прическа растрепалась, но, увидев впереди, на входе в техзону, Тамару Алексеевну, направляющуюся в сторону туалетов, я забыла и о резинке, и о волосах. Надежды на то, что она меня не заметит, не было - узкий коридорчик не давал шансов. И поэтому когда за ней следом в техзону ворвался парень, и пронесся мимо, зажимая рукой рот и явно с трудом сдерживая рвотные порывы, и наша хозяйка, нахмурившись, развернулась в обратном направлении, чтобы, скорее всего, позвать кого-то на помощь, я, выждав, когда она отойдет на безопасное расстояние, шмыгнула в толпу, пытаюсь прорваться на сцену.

В этот момент справа, возле столиков, началось какое-то движение - двое мужчин, перекрывая басы Димкиной гита-

ры (играть уже начали без меня!), заорали друг на друга, подхватываясь со своих мест и угрожающе сжимая в кулаки свои ручки. Интуитивно отшатнувшись в сторону, я неожиданно врезалась в кого-то...

8 глава. Ванечка

В бильярдной было сильно накурено. Хоть топор вешай. И, конечно, уровень этой "Анастасии" я оценивал, как совсем нищесбродский. Но пацаны нашли в баре хороший виски и, оплатив бильярдный стол, начали играть. Пришлось остаться.

Пить с ними я не собирался - с завтрашнего дня снова начинались мои тренировки, которые я и без того две недели игнорировал. Но если на такой долгий перерыв раньше у меня была уважительная причина, то попробуй приходи к моему тренеру после пьянки - живьем на куски покромсает! Да и права потерять как-то не хотелось совершенно, а за рулем был, как обычно, я.

Надышавшись дымом, решил выйти на улицу. Мне было дико скучно и хотелось, бросив друзей здесь, уехать куда-нибудь. Только куда бы можно было рвануть, я не мог придумать. В проходном зале играла живая музыка.

Какое счастье, что Лизку завез домой! Если бы ее не вызвонила мать, моя девушка сейчас бы уже умоляла потанцевать с нею. Я это ненавидел.

У столиков назревала драка - два бугая бычились друг на друга, отодвигая мускулистыми ручищами своих спутниц, пытающихся предотвратить кровопролитие.

Пробираясь к выходу через значительно увеличившуюся

к полуночи толпу на танцполе, я заметил бегущую девушку в черном платье и с большим черным же пакетом в руках. Тоненькая, с развевающимися от скорости длинными волнистыми волосами, гибкая, красиводвигающаяся... Она пронеслась мимо, испуганно озираясь по сторонам. Я дернулся, провожая ее взглядом и успев скользнуть глазами по лицу - что-то знакомое. Видел где-то? Успел разглядеть, что несколько парней, сидящих за стойкой, тоже зависли на девчонке.

Она на секунду замерла перед вскочившими со своих мест разругавшимися мужиками, как жертва перед выползающим из воды крокодилом, а потом, когда один из них бросился на второго, размахивая руками, она шарахнулась в сторону.

Я и сам не смог бы, наверное, объяснить, зачем рванул к ней, и, спасая от падения, прижал к себе, обняв за тонкую талию. Чисто на инстинктах рванул. Но она даже не пискнула, сжалась вся в моих руках, позволяя оттащить себя, как куклу, на безопасное расстояние от дерущихся. Перекрикивая музыку, крики и визги, я попытался успокоить ее:

- Эй, не бойся. Все в порядке.

Отпихивая мои руки, она подняла лицо. И тогда я ее узнал!

- Ты?

Она отрицательно замотала головой. Хм. Но я по глазам видел - узнала тоже!

- За мной! - скомандовал я, подхватывая одной рукой ее

пакет, а второй крепко сжимая ее руку и увлекая к выходу. Здесь, в таком шуме, невозможно поговорить с нею - "она же у нас временно немая"!

Вытащил ее, упирающуюся, на крыльцо. Стащил с плеч свою куртку и обернул девчонку в нее. Нет, сегодня на бомжиху она уже не похожа! Хотя... Смерил глазами. Ботинки жутчайшие. Но в целом... в целом классная. Волосы так вообще...

- Потанцевать пришла? - спросил ее.

Отрицательно крутит головой.

- Выпить?

Снова нет.

- С друзьями?

Пожимает плечами, как если бы и сама не в курсе, с кем и почему она здесь.

- Давай, прошепчи мне что-нибудь! - прошу зачем-то, наклоняясь к ней.

Тянется к моему уху, привстав на цыпочки. И меня молнией прошивает, когда едва коснувшись губами кромки, шепчет:

- Музыка. Меня убьют, если не отпустишь.

Ох, как! Как горячо мне! На Лизавету сегодня я, помнится, совсем никак не реагировал. А сейчас от шепота только во рту, как в Сахаре, пересохло! Как полоумный, посмотрел на собственную руку, которой сжимал ее ладошку. А я, оказывается, держу ее!

- Ой, только не говори, что ты поёшь! - опомнился, включая на полную мощь свое обаяние.

Она снова, в который уже раз, отрицательно покачала головой и, изобразив руками гитару, показала пальчиками, как перебирает струны.

- Серьезно?

Кивает. Да. Ах, ну да! Она же в парке с гитарой была!

- Не могу позволить, чтобы такую красавицу убили! Пошли, провожу на сцену. Я просто мечтаю послушать!

Пытается снять и вернуть мне куртку. Закутываю плотнее, испытывая странное чувство удовольствия от возможности видеть ее в собственной одежде.

- Отдашь, когда прибудем в пункт назначения.

Вырывает руку, надеясь освободиться. Не позволяю:

- Ты что! Я же потеряюсь!

Улыбается, кивает, расслабляет ладошку. И я позорно то-ну в этой улыбке - такая она настоящая, искренняя! Мне тепло от нее! Мне от нее хочется шутить, смеяться, на руках ходить, если нужно будет! Что за колдовство такое?

Идет вперед, ловко маневрируя через толпу и ведя меня. Придерживает мою куртку в районе горла, кутаясь в нее. Да, здесь, в этом зале, намного прохладнее, чем там, в бильярдной! Но мне хочется верить, что дело не в холоде, что дело в другом...

Возле сцены нерешительно поворачивается ко мне. Стягивает куртку, сует в мои руки. Вопросительно смотрит мне

в глаза. Что? Я что-то должен сказать? Показывает взглядом на свой пакет в моей руке. А! Протягиваю ей. Кивает и разворачивается, чтобы уйти. И хрен знает, зачем мне это нужно, вообще! Но я почему-то ловлю ее за локоть и, так как музыка здесь просто оглушает, теперь уже сам губами вжимаюсь в ее ушко и почти кричу:

- Провожу тебя потом, когда закончишь!

Испуганно вырывается, как будто я тут с угрозами приставал или с пошлостями какими-нибудь.

- Стой! - снова ловлю, теперь уже за маленькую ладошку с тоненькими пальчиками.

Мне необъяснимо хочется что-то дать ей! Такой красивый жест сделать. Вот если бы сейчас в руке оказалась роза на длинном стебле или, на худой конец, коробка вкусных конфет. Вторая рука, в поисках несуществующего подарка залезает в задний карман штанов и нащупывает ключи от машины.

- Минуту! - кричу в её ухо, пытаюсь заглушить басы гитары, громыхающие в колонках.

Отстегиваю деревянную фигурку с брелока и сую ей в руку:

- Всё! Теперь беги! Теперь я с тобой навсегда! - отпускаю с каким-то странным, болезненным сожалением.

9 глава. Ванечка

Вот елки, я даже ее имени не спросил!

Нахожу себе свободное местечко возле барной стойки - отсюда будет хорошо видно! Заказав сок, поворачиваюсь к сцене. Жду, откуда она появится. Рассматривая музыкантов, встречаюсь глазами с гитаристом. Ого! Прямо в ярости он! Так искры из глаз и сыпятся! И ведь исключительно в мою сторону сыпятся! Что, мальчик, твоя девочка это? Может, поэтому и вырывалась она так и испуганной выглядела.

Невольно испытываю небольшое разочарование. Но оно не критично. Потому что он - обычный, простой, слишком простой для такой красавицы. А я привык к женскому вниманию и к тому, что изо всех возможных вариантов самые лучшие девчонки всегда выбирали именно меня.

Прислушиваюсь к себе - нужно ли мне это вот все? Нужно? Ревность, разборки, девчонка странная... Я ведь даже слова еще от нее не услышал! И вообще, второй раз в жизни вижу! Но стоит только подумать о том, чтобы встать и уйти, изнутри поднимается волна глухого раздражения. Нет, уйти я не хочу. Послушаю, пожалуй, как она играть будет.

Бочком протискивается на сцену. Волосы скрутила в гульку на затылке. Жаль. Волосы у нее красивые. Но ей и так хорошо. Наоборот даже - так лучше, личико открыто, хорошо видна линия красивой шеи.

У них там небольшая заминка на сцене. Патлатый гитарист, тот, что взглядом хотел меня четвертовать, что-то злое говорит ей. Она, глядя в пол, берет в руки гитару, ныряет в ремень, к ней прикрепленный. Барабанщик несколько раз звонко шлепает палочками друг об друга и они начинают играть что-то.

Я не стараюсь даже заставить себя прислушиваться. Я почему-то сейчас не могу. Только зрение работает. Каждое ее движение ловлю. Как пальчики струны перебирают, как голову склонила, следя за работой своих рук, как прядка волос на шейку упала. А эта губка прикушенная от усердия! Ох, какая девочка замечательная! Ее приодеть бы, Лизка и рядом не встанет!

- Ого, какую цыпочку наш Князь обнаружил в этой забегаловке! - тыкает в плечо бутылкой Стрелец. - я смотрю, ты стойку сделал на музыкантшу, как пес охотничий!

- Не твое дело, - огрызаюсь я.

Поднимает вверх руки, показывая, что сдается без боя. Но говорит совсем другое:

- Чего это не мое? Я ж друг? Друг я или нет?

Слышно плохо. Перекрикивать музыку совсем не хочется, но Костян все равно обзор закрыл своей тушей, поэтому недовольно киваю ему, но говорю другое:

- Может, хватит уже пить... друг? Вредно для здоровья.

Бросаю взгляд через его плечо на сцену.

- Вредно для здоровья так на баб западать! И даже опасно!

- ржет он. - Хочешь, разузнаю о ней?

- Без тебя справлюсь! - рявкаю я. - Иди давай! А-то Энигма все шары в лузу забьет!

- Окей! А ты тут не слишком шали, Казанова!

- Как-нибудь без твоих советов обойдусь, - бросаю в его удаляющуюся спину.

Снова взглядом прилипаю к сцене... Хотя, к чему врать, к ней... К ней прилипаю! Встречаемся глазами. И у меня, как у мальчишки-школьника, сердце на мгновение замирает, а потом с силой бьется в грудную клетку, отзываясь шумом в ушах и даже, кажется, головокружением! У меня так никогда не было! Колдует она там, что ли? Медленно растягиваю в улыбке губы, поднимаю вверх большой палец, изо всех сил демонстрируя по памяти утраченную адекватность.

Телефон вибрирует в кармане. Мать. Выхожу на крыльцо, затылком ощущая ее провожающий взгляд. Покалывает иголками где-то в районе лопатки - радостно мне, что смотрит! Понравился, чувствую! И не важно, что парень с ней рядом ядом исходит! Мне это вообще безразлично сейчас. А ей... Разберемся.

- Да, мам, - бросаю в трубку, прижатую плечом к уху, застегиваясь.

Она что-то там... А мне вдруг чудится, что куртка моя девчонкой пахнет. А я даже имени ее... Вот это тебя торкнуло, Князь!

- Сердце у него! Пожалуйста...- включает меня на мгнове-

ние. Что?

- Что? - озвучиваю свои мысли.

- Отцу плохо во время операции стало! Ты что, не слышал, что ли?

Отец у нас - сапожник без сапог. Людям операции на сердце делает, а сам свое не лечит. А натура у него - ого-го какая! А характер! Невыносимый просто. Снова оперировал до потери пульса! Допрыгался, видимо. Точнее, долечил!

- Ты приедешь? - мать начинает всхлипывать.

- Еду, - бросаю в трубку и добавляю, проклиная себя за то, что пропустил это мимо ушей и не услышал. - Он жив?

10 глава. София

- Что это за придурок с тобой выходил? - мы убираем инструменты уже далеко за полночь, и Димка, злившийся весь вечер на меня за долгую отлучку, вдруг решает выяснить отношения.

Пожимаю плечами - собственно, кроме имени, я ничего о нём и не знаю, так что не вру. Немного напрягает, что Димка так негативно об этом парне говорит, но я всё равно не могу защитить его из-за отсутствия голоса, да и не чувствую в себе сейчас такого уж сильного желания дать отпор, чтобы бросаться в драку за почти незнакомого человека.

- Приставал к тебе? - неожиданно смягчается Димка, почему-то так и не переходя к вопросу о том, где я была тогда так долго или где платье взяла, в конце концов!

Как ответить? Приставал? Ну, в каком-то смысле да - из клуба увёл, держал, не позволяя вернуться. Но при этом он так смотрел! Это всё платье Маринино волшебное! Красавчик Ванечка, модно постриженный, стильно и, совершенно точно, дорого, одетый, смотрел на меня с восхищением! И для меня это было волшебство! Пусть невозможное, нереальное, но такое желанное...

- Я надеюсь, ты понимаешь, что такие, как этот мажорчик, умеют залить девчонкам в уши, создать впечатление о себе, а потом просто добиваются своего и бросают! - читает нотации

Димка.

"Да откуда ты это знаешь?" - возмущаюсь одними глазами.

- А потому, Соня, что это - закон жизни! Такие, как он...

Димка внезапно замолкает, но я мысленно могу продолжить и сама: "Такие, как он, не созданы для таких, как я". И что? Я это и сама знаю! Да и опять же... Он ушёл, когда мы играли вторую песню. И больше не возвращался. Проводить обещал... Может, пьяный был? Для этого же все они сюда и приходят! И пусть я запаха алкоголя не ощущала от него... Мало ли...

- Пошли, провожу тебя, - решает прекратить свои наставления Димка.

Киваю. Хотя мне и не хочется, чтобы провожал. Знаю, что снова начнёт что-нибудь говорить о... Ванечке. Стоит только мысленно имя его произнести - сердце замирает в груди! Красивый такой. Высокий, чёлка темно-русая на лоб падает и завивается слегка. И такое чувство рядом с ним, как будто бы он - взрослый, сильный, способный защитить, справиться с чем угодно, а я маленькая...

- Идешь? - раздаётся над ухом.

Киваю. Забрасываю на плечо гитару. Шагаю следом домой... Хотя, домой ли? Можно это место домом называть? Дом - это ведь там, где человеку хорошо? Так?

Уже заперевшись в своей комнате, я позволяю себе достать из пакета с Мариниными вещами то, что Ванечка мне подарил. При Димке, конечно, не решилась рассмотреть. На

ладони лежит фигурка князя Владимира из мультика про трёх богатырей размером примерно с два моих больших пальца. Красивая, очень аккуратно вырезанная и с коричневыми камешками вместо глаз. Князь? Невольно улыбаюсь - это у него мания величия или мультики любит смотреть? Трогаю золотистую металлическую корону, острыми вершинками выступающую над головой князя - что это и зачем - открывалка, что ли?

...Засыпаю под пьяные разговоры за стеной. Сегодня у них друзья. Мужики какие-то. Смеются, матерятся, рассказывают похабные истории. Мне слышно всё. Такие вот колыбельные. Сжимаю в руке подарок - это глупо и мне непонятно совершенно, зачем он мне это подарил! Но сам факт, само ощущение прикосновения к чему-то, чем владел ОН, наполняет сердце... Чем наполняет, я пока не могу понять. Просто там, внутри меня, больше не пусто... И впервые за долгие годы я засыпаю с улыбкой на губах.

А просыпаюсь в крошечной темноте от ощущения, что кто-то есть в комнате. От страха не могу пошевелиться. Хочется подхватиться с кровати и бежать... Только куда? Не к матери же? Она, вероятнее всего, как обычно пьяна в стельку и, вполне возможно, спит прямо там же, где пила, сидя за столом!

Лежу, не дыша. Прислушиваюсь к малейшему шороху. Хочется спросить: "Кто здесь?" Но, во-первых, я знаю, что голос ещё не вернулся. А во-вторых, по-детски кажется, что

если тихонько лежать под одеялом на кровати, то ночное... чудовище меня не заметит и уберется восвояси. И, самое главное, ни в коем случае нельзя открывать глаза! Ни в коем случае!

11 глава. София

Он наваливается сверху одним движением! Я успеваю подумать, что Мишкин друг просто ошибся комнатой и решил лечь спать на первую попавшуюся кровать! Но я же запираю дверь! Да и руки... Чьи-то грубые, мерзкие руки лезут ко мне под одеяло! Глупые иллюзии тут же испаряются, когда он начинает сбивчиво шептать:

- Тихо, тихо! Чего ты брыкаешься? Ты же у нас уже взрослая девочка, да? Тебе же восемнадцать было уже, да?

Он дышит в лицо смрадом из запахов водки, хлеба, консервов и чего-то мерзко-кислого, гадкого. И меня тошнит от этой смеси!

- Мама! - практически беззвучно шепчу я.

- Спит твоя мама... Под столом! - смеётся мужик.

Его лицо приближается, и мокрые губы больно впиваются в кожу на подбородке! Меня всю передёргивает от отвращения!

- Нет! - шепчу ему, отталкивая наглые руки, задирающие на мне футболку!

- Чего нет-то? Да! Тебе понравится! Я, знаешь, какой? Я всё умею! Тебе понравится!

Он сползает вниз по моему телу, облизывая шею, тянет зубами ворот моей футболки. Луплю ногами и руками по чему попадётся, беззвучно кричу:

- А-а-а!

И резко замолкаю от удара по лицу. Даже, кажется, на долю секунды отключаюсь! Глаза распахиваются ровно в ту секунду, когда его руки начинают стягивать с меня мои тоненькие от старости пижамные шорты. А тело словно оцепенело всё - и я не могу найти в себе ни сил, ни смелости, чтобы сопротивляться ему дальше!

Вдруг ощущаю, что руки, лежащей вдоль тела, что-то кажется. Нащупываю Ванечкин подарок. Откуда-то приходит внезапное спокойствие. И я намеренно затихаю и не брыкаюсь, и не пытаюсь вырваться, когда он, стащив с меня шорты, отбрасывает их прочь! Я дожидаясь того момента, когда он, задрав мою футболку, начинает лезть своей рожей к груди. А потом, размахнувшись, и даже почему-то не боясь промахнуться в темноте, изо всех сил бью фигуркой князя ему в то место, где должен быть глаз!

Он дико орёт, скатившись на пол! Попала! Несусь бегом в кухню, на ходу инстинктивно натягивая футболку на голую задницу.

Мать, действительно, спит под столом, свернувшись в позу эмбриона. Мишка тоже дрыхнет - положив кудлатую голову на стол, прямо в пепельницу с окурками. Будить бесполезно. Что делать?

Хватаю из ящика стола самый большой кухонный нож и, сжимаясь от страха, иду обратно в свою комнату, где орёт и матерится, обещая меня убить, мужик.

В стену прихожей стучат соседи. И если и обычно мне стыдно в таких случаях перед семьёй Зиминых, то сегодня я даже рада, что они не спят - пустить к себе, может, и не пустят (ненавидят всю нашу "семейку" - натерпелись от нас!), но хоть ментов вызовут! Стучу им в ответ изо всех сил, слыша, как за стеной разъярённо матерится в ответ на мою наглость дядя Вася.

В дверной проём из освещённой прихожей мне виден поднимающийся с пола мужик - огромный, страшный. И отчего-то мне кажется, что он не так уж и пьян... А значит, мой нож - такая себе защита.

И я ускоряюсь. Передумываю идти к себе. Несусь в материну комнату. Хватаю ее, брошенные на стул, спортивные штаны. В прихожей сую босые ноги в свои ботинки и срываю с вешалки куртку, краем глаз видя, как насильник выходит из спальни, держась одной рукой за правый глаз!

- Стоять! - ревёт он.

Уже слетая по лестнице вниз, перескакивая через две ступеньки, я вспоминаю кровь на его лице - неужели глаз ему все-таки повредила? Жутко! Если да, он же меня всё равно найдёт - завтра, послезавтра... К бабушке нельзя никак - мать сама ему меня сдаст, расскажет, где я прячусь! А больше мне некуда! Разве что к Димке... Только телефона нет, денег тоже, а до него - через весь город! У выхода из подъезда, испуганно озираясь все время в сторону лестницы, быстро натягиваю широкие материнские треники, кое-как прячу в рукав

нож - мало ли, там темно и страшно, и, натянув на голову капюшон, выхожу из дома.

На улице холодно. Я быстро замерзаю в своей курточке на рыбьем меху. Жутко - фонари в полночь выключаются, потому что город экономит электроэнергию. Бреду вдоль своего дома, совершенно не зная, как поступить...

12 глава. Ванечка

- Мам, иди спать! - не выдерживаю я.

Отцу стало лучше. Его осмотрели собственные же коллеги, вкололи, что там нужно, даже прокапали и, понаблюдав пару часов, разрешили уехать домой. Он спокойно спал, а мать сидела рядом на стуле, второй час не сводя с него глаз.

- Иди, если хочешь! - с каким-то злом отвечает она. - А я буду сидеть!

- Мам, нам же сказали, что ничего не случится, что всё хорошо будет. Завтра его обследуют хорошенько, выпишут лекарства. Он пролечится, и все будет хорошо!

- Я же сказала тебе! Иди! Вам лишь бы свалить из дому! Вам родители не нужны совершенно! Только тогда о нас вспоминаете, когда деньги заканчиваются!

Я даже не удивляюсь такому её внезапному психу - в этом вся мама! В минуты сильных душевных переживаний, ей всегда кажется, что по-настоящему волнуется и всё, что только возможно, делает для родных, только она одна! А остальные - люди безразличные и эгоистичные!

- Я пойду подышу полчасика, а потом вернусь. Надеюсь, ты успокоишься к тому времени. И если захочешь, сам буду с ним до утра сидеть, - со всем возможным спокойствием говорю ей.

Она, с обидой сжав губы, молча гладит отца по руке. Вы-

бегаю из дома, прихватив ключи от машины. Покатаюсь по ночному городу полчаса и обратно...

На улицах ни души. Сворачиваю с нашей пригородной улицы, где в основном, размещаются двух-трех этажные коттеджи в сторону центра. Навстречу попадают единичные машины, пара такси, пьяная компания возле парка, девушка, стоящая в окружении своры собак...

Проезжаю мимо... Что за фигня? Может, они нападают на неё? Разворачиваюсь на перекрёстке. Возвращаюсь. С биксами торможу позади неё, открываю окно - слышу, как одна из собак, действительно, угрожающе рычит и скалится на девчонку.

- Ты чего здесь ночью шатаешься?

Молчит. Не двигается. Боится, что зверюги бросятся на неё! С тяжёлым вздохом вылезаю из салона, достаю с заднего сиденья битую и медленно иду к ним.

- Так. Медленно двигаешься к машине. И, как только я дам сигнал, быстро садишься внутрь. Поняла?

На улице темно, но в свете луны и иллюминации витрины какого-то магазина, я вижу, как она кивает. Становлюсь рядом, перехватывая на себя внимание рычащей своры.

- Эй, твари! Чего вам надо? Давай, подходи по одному - будем бошки вам отрывать!

Отдвигаю девчонку себе за спину. Командую:

- Шуруй в машину!

Она, медленно пятясь спиной к моей тачке, открывает

дверь и ныряет внутрь. А собаки так и не решаются напасть - порываются и скалятся с расстояния в пару метров, но ближе не подходят. Тоже спиной, прикрываясь битой, отступая к машине - и мне совсем немного хочется, чтобы напали! Хочется драки и выхода переполняющим эмоциям! Зачем я сбежал из дома? Нужно было по-мужски успокоить мать и взять на себя проблемы!

И я только в машине понимаю, кого сейчас спас!

- Ты? - ловлю её такой же удивлённый взгляд.

Это судьба, детка!

Куда-то на задворки памяти уносит ссору с матерью. Губы сами расплываются в улыбке. Свет в салоне автоматически гаснет. Щелкаю выключателем. Кутается в тонкую жутко затертую курточку. Штаны размеров на пять больше, чем нужно. Я такие треники только в фильме про ментов видел.

- Что случилось? - спрашиваю и вспоминаю, что она не говорит.

Переформулирую:

- У тебя что-то случилось?

Кивает. Расслабленно растекается по креслу. Я замечаю, как трясутся руки, которыми девчонка пытается заправить за уши растрёпанные волосы.

А она всё равно красивая. Даже в таком жутком наряде. Бледная. Очень худенькая. Скулы острые. Глаза блестят.

- Эй, ты плачешь, что ли? - скольжу пальцами по подбородку, приподнимая лицо.

У неё кожа гладкая, тёплая. Нежная. Мне хочется касаться и смотреть. Смотреть и касаться её. Обрываю свои неуместные мысли.

- Тебя кто-то обидел? - вглядываюсь в огромные глаза, которые на её худеньким личике кажутся несоразмерными.

Снова кивает. И во мне вдруг начинает расти злоба - я даже не сразу понимаю, что это я на её возможных обидчиков реагирую.

Ночь. Одна на улице. Обидели. Одета легко совсем. Ни телефона, ни сумки. Сбежала откуда-то. Сто процентов ей некуда идти.

Заглядываю в глаза, беру в свои руки ладошку. Холодная. Пальчики тоненькие, музыкальные...

- Я не обижу. Веришь?

Кивает. Ну вот как так? Она ж даже пожаловаться не может!

- Мы сейчас ко мне поедem. Переночуешь, а завтра будем решать твои проблемы. Хорошо?

Неуверенно и вопросительно заглядывает в глаза, а когда я убираю руку и начинаю заводить машину, сама касается моего плеча. Неловко тянется к уху. Наклоняюсь. Шепчет:

- Спасибо, Ванечка...

И это так звучит! Я мир порвать на флажки готов, не то что её обидчиков! Что угодно! Ванечка... А-а-а!

Поворачиваю домой. Что там мать, интересно? Хоть немного успокоилась?

13 глава. Ванечка

Сразу веду в свою комнату. И прихватываю ее страшнейшие поношенные ботинки тоже - к чему шокировать и без того взвинченную мать. Ставлю в свой шкаф, в самый его низ. Смущенно посматривает на меня, опускает глаза в пол, замечая свою обувь у меня в руках. Она без носков даже!

- Чувствуй себя, как дома. Кровать в твоём распоряжении. Я на минуту...

А уходить не хочется. Хочется рассмотреть её в привычной обстановке моей комнаты. Хочется "принять" ее - ощутить, как она осваивается здесь, как вписывается в окружающую действительность. Потому что знаю - она впишется, несмотря ни на что. Иначе, я сам впишу...

Иду в родительскую спальню. Ночник освещает большую кровать. Мать лежит сбоку от отца, устроив голову на его правом плече. Одета, поверх одеяла, но со смытой косметикой и распущенными волосами.

- Мам, - зову шёпотом.

Открывает глаза не сразу. Вот дурак! Она, похоже, дремала!

- Ты лежи, лежи! Я думал, не спишь...

- Вань, ты прости! Я не знаю, чего меня понесло!

- Да ладно, ерунда! Ты... прости меня тоже. Если что, я дома. У себя в комнате буду.

- Иди. Иди спать, сынок.

Целую её в лоб, как будто я - её родитель, а не она мне. Гладит щеку ухоженными мягкими пальцами. Укрываю её сброшенным на кресло пледом.

Перед тем, как направиться к себе, сворачиваю в кухню.

Да, я никогда ни о ком не заботился. И мне чуждо вот это странное желание - что-то для кого-то сделать, чем-то порадовать совершенно незнакомую девушку. Но хочется. И это - факт. Я не могу и не хочу противиться этому чувству.

Достаю из холодильника мамину шарлотку, отрезаю приличного размера кусок, наливаю в высокий бокал молока. Немного подумав, грею его в микроволновке - сам я люблю холодное, но для нее, как для маленькой девочки, хочется именно подогреть.

Спешу. И уже напридумывал себе всякого - как кормлю ее, как она рассказывает мне шепотом на ушко о своей беде, как успокаиваю, придумывая, что можно для нее сделать. Даже до поцелуя додумываюсь, пока иду... И, если уж совсем честно, не только до поцелуя...

Открываю дверь. Стараясь не испугать, чтобы не подумала, что это кто-то другой, от двери говорю тихонько:

- Это я, не бойся...

Прерываюсь, не договорив. Она спит, калачиком свернувшись на моей кровати. А рядом на тумбочке лежит огромный кухонный нож со старой выщербленной ручкой!

Как debil, смотрю на это орудие убийства несколько ми-

нут. Это она для самозащиты использовать собиралась? Или использовала? А вдруг... Да нет! Обвожу взглядом тоненькую фигурку, так беззащитно, так по-детски подложившую ладошки под щеку. Такая милая, такая нежная... Такая, как она, и мухи не обидит!

Стараясь не стукнуть, осторожно ставлю стакан и тарелку с шарлоткой на свой письменный стол. Ну и что мне с тобой делать, девочка без имени?

Укрываю ее пушистым пледом. Замираю лицом к лицу. Хмурится во сне. Черные бровки сдвинулись к переносице. Длинные ресницы веерами на щеках лежат. Мелкие рыжие веснушки на носу и под глазами. Кожа белая, нежная, особенно на скулах... А губки... Самоубийство смотреть на них просто! Прикоснуться хочется так, что дыхание сбивается! Но ведь нож неспроста с собой носит...

Цыпленок-амазонка какая-то!

Прихватив спортивные штаны и футболку, иду в душ. Ловлю свое отражение в зеркале. Ну, и чему лыбишься, идиот? Не от хорошей жизни эта девчонка к тебе пришла! Не потому, что от тебя без ума! Просто выбора у нее не было. Но эти мысли почему-то не могут стереть улыбку...

Выключаю подсветку и с тяжелым вздохом укладываюсь на маленьком диванчике, стоящем у противоположной от кровати, где спит девушка, стены. Долго смотрю в потолок. Забавное ощущение такое. В этой комнате у меня никогда не ночевали девушки. Для встреч и интима я снимал комна-

ту в гостинице - благо, родители никогда не ограничивали в финансах, а оба зарабатывали предостаточно (отец - знаменитый кардиохирург с мировым именем, а мать - управляющая сетью ресторанов), либо муж сестры подкидывал ключи от их офиса, ну, машина, опять же... А тут я даже имени не знаю! Но она спит в моей кровати в метре от меня и мне от мыслей об этом факте как-то... волнительно как-то, словно предчувствие какое-то сжимает тисками сердце...

Отчего-то чудилось, как утром в комнату врывается мать и спрашивает: "Это кто у нас тут спит с таким тесаком в руках?" А я отвечаю: "Мам, ты что, не узнаешь? Это же - твой новый шеф-повар!" И мне казалось, что я даже во сне улыбаюсь...

14 глава. София

Просыпаюсь в незнакомой комнате. Нет, я всё помню. Просто толком рассмотреть не успела - меня вчера так трясло, что хотелось свернуться калачиком и лежать, ни о чем не думая, ничего не делая. Я даже чувствовала, как засыпаю. И хотела уснуть, чтобы не смотреть в полные жалости к себе красивые карие глаза Ванечки! Это так... так глупо, нелепо так, когда тебя жалеет такой вот парень! Пусть уж лучше не замечает! Пусть с брезгливостью смотрит, пусть презирает за мою бедность, затертость, заношенность, за ботинки стоптанные, с отклеившейся подошвой, которые он нес так, будто это два огромных жирных грязных таракана...

И мне почти хочется, чтобы вчерашнего вечера вообще не было в моей жизни! Просто вычеркнуть из жизни и забыть! Потому что дальше как? Денег у него попросить на обратную дорогу? А-а-а! Молча уйти пешком на другой конец города - к бабушке?

Но и к бабушке я не могла. Хотя она, конечно, приняла бы. И пусть в крохотной однушке с Лилькиной коляской было не развернуться втроем, но ведь и ей от меня какая-никакая помощь - я и погулять с сестрой могу, и коляску стащить вниз с третьего этажа, и в магазин... и мне - спокойнее, чем с матерью. Но матери было плевать на меня. А вот бабушке - не плевать. Бабушка не знала, что я в клубе играю по ночам.

А если бы знала, стала бы умолять этого не делать, не отпускала бы, плакала... Было дело - похвасталась ей в самом начале, год назад, что работу себе нашла! Так скорую помощь вызывать пришлось, старушка так причитала, что мне всего восемнадцать, что учиться, а не по клубам шляться нужно, что сердце прихватило!

Я очень боялась, что с бабушкой что-нибудь случится. Потому что тогда Лильке дорога в интернат. Я ведь, даже если захочу, не смогу её взять! Несмотря на то, что я совершеннолетняя, ясно же, что просто прокормить сестру пока не сумею, а уж о каком-то лечении и речи не может быть...

Осторожно села на постели и осмотрелась.

Ванечка спал на диванчике в метре от меня, лёжа на животе. Одна рука свисала вниз, длинные пальцы касались пола. Я удивлённо уставилась на замысловатый узор тату, покрывающий крепкие запястья и поднимающийся вверх до самого плеча! Как красиво! И как идёт этот рисунок его смуглой коже!

Он был... холеный! Да именно так бы я сказала! Ногти ухоженные... С отвращением покосилась на свои - обрезанные простыми ножницами под корень, без всяких там пилочек и лаков, на которые у меня просто не было денег. Причёска у него такая... Волосы выются. И цвет необычный - как если бы тоненькие прядки в густой шевелюре кто-то высветлил специально. Хотя, может быть, у него и есть специально? Это в моём мире парни так следить за своей внешностью не

умеют...

Оторваться от разглядывания Ванечки было очень трудно - настолько необычайно красивой казалась мне его внешность. Но он пошевелился, и я быстро перевела взгляд в окно - только бы не попасться за разглядыванием.

На тумбочке у кровати стоял стакан молока и тарелочка с куском пирога. Это... мне? Он ночью принёс для меня? Посмотрела на него вопросительно, как бы спрашивая у спящего, правда ли он обо мне позаботился или я сейчас это придумываю себе.

- Ага. Тебе принёс, - вдруг сказал он хриплым ото сна голосом, хоть глаза и были закрыты. - Теперь холодное всё.

Даже представить невозможно, чтобы я при тебе ела! С голоду умирать буду, а при тебе не смогу!

- Ну вот чего ты возмущаешься так? - вдруг правильно реагирует он на мой взгляд. - Как в сказке было, помнишь? Накорми, напои, спать уложи.

Ага, Баба Яга так своих жертв обхаживала!

- "В баньке попарь" - забыл ещё... - добавляет он.

А потом переворачивается на спину. И мой взгляд следует за ним. Так лицо видно лучше - никогда таких красивых парней настолько близко не видела - только в телевизоре...

- Рассказывать будешь, что вчера случилось с тобой? Или мне можно начинать процедуру дознания?

Показываю ему пальцем на своё горло - ты же знаешь уже, что я немая!

- Этот отмаз не прокатит! - легко, словно не спал только что, подхватывается с дивана, и я забываю дышать от близости Ванечки, когда он, схватив со стола ноутбук, быстро садится рядом со мной. - Писать ты, я надеюсь, умеешь?

Молчу. Сейчас я умею только на тебя смотреть. И запах твой вдыхать! И от него ещё могу чуть-чуть с ума сходить... Вот, пожалуй, и всё, что я сейчас умею. А писать... не, даже не знаю, что это такое...

- И первый вопрос... Барабанная дробь... Как тебя зовут? А-то мне неловко как-то... Сейчас родители придут, а я даже не знаю, как тебя представить!

Теперь уже я резко подхватываюсь с кровати, едва не выбив ноутбук у Ванечки из рук.

- Воу! Полегче, Шумахер! Я пошутил. Никто сюда без стука не войдёт! Заперто у нас с тобой изнутри. Но ты не бойсь, мы пообщаемся немного, и я отвезу тебя, куда пожелаешь!

Киваю на его вопросительный взгляд. Ладно. Выбора-то все равно нет.

Склоняюсь к клавиатуре и набираю пять букв.

- София, - улыбается Ванечка. - Наконец-то, познакомились!

15 глава. Ванечка

- Сколько тебе лет? - задаю безобидные вопросы для начала.

"19", - пишет она.

- Ну, слава Богу, ночевать в моей постели закон тебе уже не запрещает, - комментирую я, испытывая необъяснимо огромное удовольствие от её смущения. Краснеет, на щеках появляется румянец! Вау! Так мило. Когда в последний раз я видел смущающуюся Лизку? Я видел смущающуюся Лизку вообще когда-нибудь?

- Фамилия? - изображая следователя на допросе, вхожу во вкус я.

"Ростова", - быстро печатают её пальцы.

- Тогда тебе больше имя Наташа подошло бы...

"А тебе - Шерлок", - бегают по клавише её пальцы.

- Хм, ладно. Продолжим. Что с тобой вчера ночью случилось?

Замирает ненадолго, но потом все-таки печатает:

"Одному козлу вбила в глаз твой подарок".

- Что-о? - трижды перечитываю я, не веря своим глазам.

"Потом сбежала, чтобы он меня не убил".

- Логично. Но за что ты его так? - пытаюсь осознать я.

Поджимает губы. Не расскажешь, да? Ну тут сильно-то гадать не нужно - приставал к тебе. Это тот друг, что испепелял

меня взглядом в клубе? Или в твоём окружении есть ещё и другие похотливые козлы?

"Не за что, а потому что..."

- Почему?

"Козёл потому что", - не смотрит мне в глаза.

- И снова логично. Не расскажешь, значит? - качает отрицательно головой. - Окей. Тогда такой вопрос...

Имею ведь я право для себя кое-что узнать?

- Парень с гитарой. Там, в клубе... Вы встречаетесь? - потом ускоряюсь, ведь сказав о клубе и нашей вчерашней встрече, я не могу не объяснить теперь, почему не дождался ее, как обещал! - Ты прости, что я не дождался тебя. Я хотел, но мне мать позвонила...

Она начинает быстро печатать, кляцаньем клавиш прерывая меня, не давая договорить.

"Не нужно было ждать".

- Почему?

"Невозможно".

- Повторюсь. Почему?

"Разные люди. Инопланетяне мы. Ты с Венеры, а я с Марса. Нельзя встретиться. Не изобрели такие скафандры".

- Ну, я вполне могу сгонять на Марс. Это запросто вообще...

"У нас, на Марсе, чужаков не любят".

- А мне и не надо, чтобы любили. Я только заберу... у вас цветочек аленький... И домой!

"У нас цветочки не водятся. Не выживают в атмосфере ядовитой. Исключительно колючки и чертополох".

- А ты у нас кто? Колючка или чертополох?

Улыбается. А я нас сейчас как бы со стороны вижу. Сидим вдвоём на моей кровати. Мне кажется, она забыла сейчас совершенно о своих проблемах (в том, что они есть, я уверен!), мне кажется, ей хорошо сейчас - она даже прекратила на свои штаны со смущением смотреть. И мне хорошо - необычно, интересно. Она необычная. Непохожая на девчонку из моего окружения - выдумщица, у которой непонятно в какую сторону летит мысль! Но не только это мне интересно наблюдать... а еще за живой мимикой ее лица - за бровями взлет, черными птицами изгибающимися на лбу, за глазами зелеными, яркими, за смешными веснушками на носу...

"Я - папоротник. Только об этом никто не знает. Все думают, что простой сорняк..."

Аллегория мне не совсем понятна. В смысле, что легенда о цветущем папоротнике существует, но цветков никто не видел? Размышляю. Пока абсолютно ясно осознаю, что девочка с юмором - не сорняк, точно!

- Я первый тебя заметил. И требую табличку. И чтобы там написано было: "Территория Ивана Князева! Не топтать! Цветы не рвать! Руками не трогать..."

Губы ещё продолжают складывать звуки в слова, а я неудержимо склоняюсь к ней! Меня магнитом тянет - я хочу сопротивляться, но не могу совершенно! Глаза фиксируются

на ее губках... Вот сейчас... Но потом вдруг взгляд поднимается выше и натывается на ее... испуганный!

Осекаюсь на середине движения и отодвигаюсь на прежнее место.

- Извини! - выдавливаю из себя через силу. Хотя за что, собственно, ей меня извинять? За то, что я поцеловать хотел? Хочу. А впрочем, я помог ведь? Помог! И всего-то поцеловать хотел! Разве это - такая уж большая плата? Но нет же, выпендриваться начала! Недотрога, блин! Строит из себя неизвестно что...

И уже в душе до меня вдруг доходит! Я сейчас собирался сделать то же самое, что и тот похотливый козел, который получил в глаз моим князем...

16 глава. София

Он хотел меня поцеловать! Не верю себе! Я ошиблась! Это невозможно совершенно!

Нет, в принципе, это возможно - в колледже были парни, которые предлагали мне встречаться, да и в школе были такие. Но Ванечка! Это, как если бы Брэд Питт обратил внимание на кассиршу в магазине!

И этого никак нельзя было допустить! Никак! Потому что... Зубы не чищены, лицо неумытое, волосы не расчесанные! А ещё я в маминых старых штанах и пижамной футболке! О, ужас! Стоило вспомнить об этом, как в лицо тут же ударила волна жара, и я прямо-таки физически ощущала, как медленно становлюсь красной, как рак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.